

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057

С. И. Князькин*

Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты

Аннотация. Исследуются проблемы судебной компетенции в рамках Евразийского экономического союза, ее соотношение с национальным правосудием. Процессуальный аспект права на суд включает в себя проблему толкования и имплементации международного права в системы права участников Союза. Прямой способ имплементации права Союза призван быть приоритетным и состоит в его непосредственном применении национальными судами. Косвенный способ предполагает имплементацию права Союза через учет национальными судами позиций Суда Евразийского экономического союза. Разновидностью косвенного способа внедрения права Союза в право России является ретроспективный учет позиций Суда Союза посредством пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам. Материально-правовой аспект права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе заключается в проблеме изъятия из компетенции Суда Союза категорий споров по субъектному и предметному критериям (ограничение на обращение в Суд Союза лиц, не обладающих статусом хозяйствующего субъекта; невозможность судебного оспаривания нормативных правовых актов, принятых органами Союза). Основной критерий подобного изъятия — отсутствие формализации этих категорий дел в нормах международного права. В статье делается вывод о целесообразности воссоздания судебных полномочий на союзном и национальном уровнях по данному обширному сегменту дел. Прямая связь между судебной компетенцией и ее формализацией в нормах права нецелесообразна по причине объективного отставания любого правотворца, включая органы Евразийского экономического союза, от развития реальных общественных отношений и новых потребностей, связанных с урегулированием многочисленных споров.

Ключевые слова: право на судебную защиту; Суд ЕАЭС; имплементация позиций судов; толкование права; судебная компетенция; прямой судебный нормоконтроль; косвенный судебный нормоконтроль; новые обстоятельства; превентивный иск; правовая идеология.

Для цитирования: Князькин С. И. Право на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе: процессуальный и материально-правовой аспекты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 2. — С. 44–57. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

© Князькин С. И., 2025

* Князькин Сергей Игоревич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия (РГУП) Новочерёмушкинская ул., д. 69, г. Москва, Российская Федерация, 117418
knyazkin-sergei@mail.ru

The Right to Judicial Protection in the Eurasian Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects

Sergei I. Knyazkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Court Procedure, Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation
knyazkin-sergei@mail.ru

Abstract. The paper elucidates the problems of judicial competence within the framework of the Eurasian Economic Union and its relationship with national justice. The procedural aspect of the right to judicial protection includes the problem of the interpretation and implementation of international law in the systems of law of the members of the Union. The direct method of implementing the law of the Union is intended to be a priority and it presumes its direct application by national courts. The indirect method involves the implementation of the law of the Union through the consideration of the standings of the Court of the Eurasian Economic Union by national courts. The retrospective consideration of the standings of the Court of the Union through the revision of judicial acts due to new circumstances constitutes a form of the indirect method of introducing the law of the Union into the law of Russia. The substantive law aspect of the right to judicial protection in the Eurasian Economic Union includes the problem of taking from the jurisdiction of the Court of the Union disputes according to the subject and subject matter criteria, namely: restriction on the appeal to the Court of the Union of persons who do not have the status of an economic entity, as well as impossibility of judicial challenge of regulatory legal acts adopted by the bodies of the Union. The main criterion for such an exemption is the lack of formalization of these categories of cases in international law. The author concludes that it is advisable to recreate judicial powers at the union and national levels in this extensive segment of cases. The direct connection between judicial competence and its formalization in the norms of law is impractical due to the objective lag of any lawmaker, including the bodies of the Eurasian Economic Union, from the development of real social relations and new needs associated with the settlement of numerous disputes.

Keywords: the right to judicial protection; EAEU Court; implementation of court positions; interpretation of law; judicial competence; direct judicial regulation; indirect judicial regulation; new circumstances; preventive action; legal ideology.

Cite as: Knyazkin SI. The Right to Judicial Protection in the Eurasian Economic Union: Procedural and Substantive Law Aspects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(2):44-57. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.171.2.044-057.

Конституция России гарантирует государственную защиту прав и свобод. Ратификация государством международных соглашений наделяет его правами и обязанностями полноправного участника международной организации, а граждан — правом на обращение в судебный орган такой организации. Не является исключением участие Российской Федерации в Евразийском экономическом союзе, со вступлением в который Россия признает компетенцию Суда Евразийского экономического союза (далее — Суда Союза). Поэтому право на обращение в международные судебные органы является компонентом конституционного права на судебную защиту.

Право на международную судебную защиту, предоставляемую Судом Союза, в силу его соот-

ношения с правом на обращение в национальные суды, характеризуется процессуальным и материально-правовым аспектами.

Процессуальный аспект права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе состоит в специфике компетенции Суда Союза и национальных судов в вопросах толкования позитивного права Союза, а также способах внедрения (имплементации) результатов такого толкования в национальные системы права. Имплементация важна не столько с формальной точки зрения, то есть для инкорпорации, сколько с точки зрения имплементации союзных ценностей в национальное право каждого из участников Союза.

Способы имплементации условно можно разделить на прямые и косвенные. К прямо-

му способу внедрения в практику ценностей любой международной организации, включая ценности Евразийского экономического союза, относится прямое и самостоятельное применение и толкование национальными судами норм международного права при разрешении конкретного спора. Одновременно суд делает вывод о возможности применения нормы права при заявленных требованиях. Эта судебная деятельность в рамках конкретного дела именуется косвенным судебным нормоконтролем¹.

Такой способ обладает рядом преимуществ. Первым преимуществом является максимальная оперативность этого подхода применительно к многочисленным спорам, разрешаемым на национальном уровне. У судов отсутствует потребность ожидания завершения разрешения конфликта наднациональным судом для использования данного им толкования норм и принципов международного права. Тем самым обеспечивается эффективность судебной защиты в части ее своевременности.

Вторым преимуществом выступает возможность дачи такого толкования международному позитивному праву, которое позволит учесть национальные особенности правоотношений, в том числе экономических отношений.

Следует особо отметить, что любое типовое толкование права, независимо от судебного органа, который его дал, применимо в его первоначальном виде, только если полностью совпадает с фактическим составом спорного правоотношения. Совпадение требуется не только в части закрепленности самого субъективного права, по поводу которого возник спор, но и относительно мер его восстановления и защиты, адекватных нарушенному праву. В остальных случаях даже толкование норм права, данное Судом Союза, подлежит адаптации национальными судами по каждому конкретному делу.

Если наднациональный судебный орган еще не высказал свою позицию по заявленным требованиям, то применение его национальным коллегой принципов и норм международного права будет не только непосредственным, но и первичным.

Непосредственное применение судами права Союза чрезвычайно востребовано еще и по причине того, что компетенция Суда Союза ограничена по нескольким направлениям.

Прежде всего, Суд Союза ограничен толкованием позитивного права Союза и по общему правилу не решает вопросы факта, по поводу которых обратился заявитель и в разрешении которых в конечном итоге он заинтересован². В основе такой модели судебной компетенции заложена возможность отделения правового компонента спора от фактического, что наглядно проявляется в спорах об оспаривании ненормативных правовых актов органов Союза, например Евразийской экономической комиссии³. Логическое продолжение этой проблемы видится в том, что совместное разрешение вопросов факта и права как раз отводится национальным судебным органам.

Участники Союза выбрали мягкую модель полномочий международного судебного органа, оставляющего за национальными властями широкую сферу суверенной компетенции в экономической сфере.

Наряду с достоинствами мягких полномочий Суда Союза такая модель имеет существенный недостаток для всей международной организации, а именно: препятствует полноценному и безусловному внедрению этих позиций в национальные системы права. Это особенно важно в условиях давления третьих лиц на участников Союза в связи с их участием в интеграционной деятельности.

Компетенция Суда Союза ограничена не только необязательностью результатов такого

¹ Никитин С. В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. М. : РАП : Волтерс Клувер, 2010 ; Он же. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 88–101.

² Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (п. 39 Статута Суда Союза) // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.02.2024).

³ Решение Суда Евразийского экономического союза от 15.06.2023 // СПС «КонсультантПлюс».

толкования для национальных властей, но и перечнем форм права, которые являются предметом союзного судебного нормоконтроля.

Полномочия Суда Союза сводятся к проверке только тех нормативных правовых актов, которые закреплены в союзном Договоре и иных внутрисоюзных международных договорах или договорах с третьей стороной. Пункт 39 Договора о Союзе акцентирует внимание Суда Союза на решениях Евразийской экономической комиссии⁴. При этом акты нормативного характера, принятые Межправительственным и Высшим советами, остаются вне компетенции Суда Союза.

Приоритет внимания Суда Союза к нормативным правовым актам Комиссии объясняется их прикладным характером, который, в свою очередь, предполагает многократное применение национальными административными и судебными органами решений Комиссии по самым разнообразным вопросам. Например, по антимонопольным, таможенным спорам.

Тем не менее вне внимания Суда Союза остается нормативный массив программного характера, принимаемый общим согласием руководства государств-участников и определяющий идеологию Евразийского экономического союза. Обратный подход позволил бы сопоставить позицию Суда Союза относительно идеологии интеграционного образования с национальными интересами, закрепленными в конституциях его участников.

Модель гибкого восприятия участниками Союза позиций его Суда влечет дополнительную сложность не только для их имплементации в национальное право, но и для исполнения этих решений на территории государств, участвующих в Союзе. Такая ситуация только подтверждает необходимость прямого применения позитивного права Союза государственными органами его участников.

Прямое применение национальными судами союзного позитивного права не исключает использования вспомогательных способов его

внедрения в национальные системы права. Одним из таких способов является запрос национальных судов об аутентичном толковании союзного права компетентными органами Союза. Заключение, выданное по итогам рассмотрения такого запроса, по степени достоверности будет близким к экспертному заключению, традиционно занимающему особое место среди средств судебного доказывания.

Преимуществом аутентичного толкования позитивного права Союза является возможность нормотворца, например Евразийской экономической комиссии, дать Суду Союза или национальным судебным органам ответы на вопросы относительно причин принятия нормы права именно в такой редакции, в целях, которые преследовались органом Союза в тот период времени.

Исторические цели правового регулирования свидетельствуют о контексте, в котором была принята та или иная норма права. Изменение общественных отношений, регулируемых нормой права с момента ее принятия, меняет ее толкование судами.

Результаты аутентичного толкования норм права, раскрытия их контекстуального смысла позволяют сопоставить идеальные цели, которые были поставлены законодателем, с реальными результатами, проявившимися в ходе разрешения спора судом.

Однако в современный период возможность аутентичного толкования права Союза не только не формализована, но и отрицается в практике Суда Союза. Прежде всего в отношении деятельности Комиссии, стоящей на переднем крае нормотворчества по прикладным проблемам деятельности Союза.

Например, еще Суд Евразийского экономического сообщества оценил попытку Комиссии самостоятельно толковать нормативные правовые акты в рамках мониторинга правоприменения без обращения в Суд как превышение полномочий, которое заменяет аналогичную компетенцию Суда⁵. Представляется необходимым преодолеть эти ограничения.

⁴ Обобщение правовых позиций и практики Суда Евразийского экономического союза (утв. Управлением систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда РФ) // URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 10.02.2024).

Разграничение аутентичного толкования позитивного права от внесения в него изменений самим правотворцем⁶ происходит именно через сопоставление идеала и реальности, отраженной в фактических обстоятельствах спора. Иными словами, любому судебному органу для определения пригодности применяемой нормы права, в том числе международного права, требуется установление первоначальной воли законодателя⁷.

Такой прикладной подход попутно призван решить давнюю теоретическую проблему неоднозначного отношения представителей доктрины к аутентичному толкованию права⁸. Речь идет о том, что законодатель любого уровня не может создать абсолютно совершенные нормы права. Замеры, которые производит суд, разрешая многочисленные конфликты, выступают механизмом обратной связи, с помощью которого делаются выводы о жизнеспособности той или иной нормы права. Тем более на международном уровне, который требует согласования многочисленных коллективных и индивидуальных интересов.

Еще одним способом имплементации экономических ценностей Союза выступает право Суда ЕАЭС на толкование международных договоров Союза по запросу его органов и их должностных лиц⁹. Основным преимуществом этого вида судебного толкования позитивного права по сравнению с его аутентичным толкованием служит превентивный характер.

Как правило, такое толкование основано на анализе потенциально спорных правоотношений до их рассмотрения национальным или международным судом. Заключение Суда Союза по своей природе не только будет обладать экспертным статусом, но и окажет помощь в разрешении будущих споров. В рамках подоб-

ной превенции Судом Союза раскрывается смысл норм международного права¹⁰.

Косвенным способом внедрения экономических ценностей Союза, отраженных в его праве, в национальную систему права является учет национальными судами позиций, выработанных Судом Союза.

Основной разновидностью такого учета является использование типового толкования Договора о создании Союза, иных союзных договоров, а также правовых актов Евразийской экономической комиссии в решениях по конкретным делам. Подобное использование имеет место с самого начала рассмотрения дел, то есть начиная с суда первой инстанции.

С технической точки зрения восприятие национальными судебными органами позиций Суда Союза осуществляется так же, как и использование позиций высших судов государства, то есть путем обоснования возможности применения типового толкования норм права в рамках рассматриваемого дела.

Данный подход к внедрению международной судебной практики в практику национальных судов был характерен для взаимодействия России с Советом Европы и Европейским Судом по правам человека. В тот период российские суды ссылались на конкретные позиции Европейского Суда, отражая эти ссылки в мотивировочных частях судебных актов. Большой опыт, накопленный в ходе этого взаимодействия, может быть использован в сотрудничестве с Судом Евразийского экономического союза.

Разграничение судебной компетенции в зависимости от места применяемых нормативных правовых актов в их общей иерархии не может служить основанием для отказа в разрешении спора, прежде всего национальными судами.

⁵ Решение Суда ЕвразЭС от 07.10.2014 // Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества. Спец. вып. 2014.

⁶ *Егоров А. В.* Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. 2022. № 5. С. 14–36.

⁷ *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Правосудие: Ориентация на Конституцию : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2018.

⁸ *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 1999. С. 500–502.

⁹ П. 46 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014.

¹⁰ *Соколова Н. А.* Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 181–189.

Именно судебные органы государств — участников Союза внедряют союзные ценности в национальную систему права. Не оспаривается право Суда ЕАЭС применять правовые акты Союза и проверять их на предмет соответствия Договору о Евразийском экономическом союзе и другим основополагающим актам. При этом национальные суды также обладают компетенцией прямо или косвенно проверять любые международные правовые акты как минимум на предмет их соответствия национальной конституции. Такой подход следует из естественной природы права на судебную защиту и конституционной гарантии государственной защиты прав и свобод.

Еще одним способом учета национальными судами позиций Суда Союза является пересмотр уже разрешенных споров ввиду изменения практики толкования принципов и норм международного права. Такое восприятие позиций наднациональных судов носит ретроспективный характер.

На современном этапе развития Евразийского экономического союза этот способ практически не используется, несмотря на аналогичный опыт применительно к позициям Европейского Суда по правам человека. Тогда подобный инструмент был напрямую закреплен в кодифицированных процессуальных актах в качестве нового обстоятельства. Под ним фактически понималось конвенционное содержание прав и свобод, а также способов их реализации, отраженных в позициях Европейского Суда по правам человека.

Представляется нерациональным отказываться от этого вспомогательного средства имплементации международных ценностей в отечественную систему права применительно к Евразийскому экономическому союзу.

Российские суды придерживаются обратной позиции относительно допуска в систему права России результатов деятельности Суда Союза. Согласно серии позиций Конституционного Суда РФ, толкование права Судом ЕАЭС не может выступать в качестве нового обстоятельства пересмотра судебных актов судов общей и арбитражной юрисдикции¹¹.

Основными аргументами в пользу такого вывода служат отсутствие закрепленности именно позиций Суда Союза в качестве основания для пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам, а также невозможность автоматического восприятия позиций наднационального судебного органа, даже несмотря на ратификацию международного договора, признающего юрисдикцию такого суда. Вряд ли с таким подходом можно согласиться по крайней мере по двум причинам.

Первая из них кроется в конституционном положении о том, что международные договоры и иные формы международного права являются частью правовой системы России. Ратификация компетентными органами государства таких норм сама по себе является достаточной для учета отечественными судами позиций международных судов.

Вторая причина состоит в универсальной природе процессуальной формы. Представители процессуальной науки косвенно подтверждают эту фундаментальную ценность процесса не только внутри одной из его ветвей, но и между тремя известными его направлениями. В том числе через единый предмет судебной деятельности¹².

Универсальная природа процесса предполагает рамочный характер процессуальных норм, не требующих конкретизации по каждому частному случаю. Такой подход уже длительное

¹¹ См., например: определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2022 № 191-О ; определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 № 689-О ; определение Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 1972-О.

¹² Фурсов Д. А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М., 1999. С. 31, 41 ; Решетникова И. В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52 ; Проблемы развития процессуального права России : кол. монография / А. В. Белякова, Л. А. Воскобитова, А. В. Габов [и др.] ; под ред. В. М. Жуйкова. М. : Норма : Инфра-М, 2016.

время используется в отношении вновь открывшихся обстоятельств, полный перечень которых невозможно закрепить в процессуальном законе по объективным причинам. Степень существенности конкретных фактов для дела определяется судом исходя из его характера, а не из их поименованности в процессуальном законе.

Содержательный аспект этой проблемы заключается в имплементации ценностей той или иной международной организации, участницей которой добровольно стала Российская Федерация. Факт ратификации Россией Договора о Союзе сам по себе является достаточным основанием для вывода о разделении государством ценностей Союза.

С правоприменительной точки зрения эта проблема может найти выход через традиционные инструментарию толкования норм процессуального права, которые не именуют конкретные международные судебные органы, чьи позиции признаются в качестве новых обстоятельств.

Например, норма об отмене не только судебного акта суда общей или арбитражной юрисдикции, но и акта другого органа (п. 1 ч. 3 ст. 311 АПК РФ, п. 1 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 350 КАС РФ). Законодатель использует универсальную формулировку, которая даже с точки зрения ее буквального толкования открывает окно возможностей для внедрения позиций любого наднационального судебного органа, юрисдикция которого признана Россией, в отечественное позитивное право. Речь идет не о зависимости национальных судов от международных судебных органов, а об обмене подходами к толкованию позитивного права.

Материально-правовой аспект реализации права на судебную защиту в Евразийском экономическом союзе заключается в проблеме изъятия компетенции по разрешению споров из ведения национальных судов и ее неполной

передачи в юрисдикцию Суда Союза. Изъятия носят субъектный и предметный характер.

В первом случае речь идет о сложившемся подходе, связанном с отсутствием у физических лиц, не являющихся участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд Союза.

Практика исходит из буквального толкования Статута Суда, в соответствии с которым лица, чья деятельность не носит экономический характер, не вправе обращаться за судебной защитой в Суд Евразийского экономического союза. Такое толкование было сформировано Судом Евразийского экономического сообщества¹³.

Данный подход влечет ситуацию, при которой целые категории дел оказываются вне какой-либо судебной компетенции: они не могут быть рассмотрены ни Судом Союза, ни национальными судами. Например, дела об оспаривании нормативных правовых актов Союза. Последние имеют ограничение в силу изъятия этой компетенции из ведения национальных судов. В частности, правом на обращение в Суд Союза не обладают физические лица, которые являются участниками правоотношений, связанных с перемещением имущества, в том числе для личных нужд, с территории третьих стран на территорию Союза¹⁴.

Право на обращение в Суд Союза отсутствует и у тех физических лиц, которые хотя и не обладают статусом, свидетельствующим об их хозяйственной деятельности, но фактически являются ее участниками.

Например, длительный период времени потребовался, прежде чем прийти к выводу о целесообразности наделения физических лиц, осуществляющих управление юридическими лицами, правом на обращение в Суд Союза по антимонопольным спорам, по которым они ввиду специфики данных дел несли ответственность¹⁵. Здравый смысл предоставления этого

¹³ Постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 20.01.2014 по делу № 2-2/1-2014 ; постановление Суда Евразийского экономического сообщества от 22.09.2014 по делу № 2-2/3-2014.

¹⁴ Речь идет о решении Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 (ред. от 24.11.2023) «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования».

¹⁵ В антимонопольных делах к суду ЕАЭС может быть предоставлен доступ физических лиц // URL: https://rapsinews.ru/international_news/20221117/308482915.html (дата обращения: 10.02.2024).

права следует из характера спорного правоотношения, даже несмотря на отсутствие у таких лиц статуса хозяйствующего субъекта.

Субъектами, претерпевающими неблагоприятные последствия от отсутствия формализации их права на обращение в Суд Союза, являются также сообщество предпринимателей и профильный уполномоченный. Острота проблемы усиливается тем, что механизм опосредованного обращения в Суд Союза не всегда продуктивен по причине отсутствия инициативы со стороны компетентного государственного органа¹⁶.

В противном случае в распоряжении лиц, чье право на обращение в Суд Союза не формализовано, остается косвенный порядок судебной защиты своих прав. Имеется в виду обращение с запросом в компетентные органы государства — участника Союза о даче консультативного заключения по вопросам толкования союзного права. Но и он в силу придаваемого ему статуса имеет ограниченные рамки.

Ограничения связаны, во-первых, с зависимостью самого обращения от воли компетентных государственных органов, а во-вторых, как уже упоминалось ранее, с рекомендательным характером заключений Суда Союза о толковании права.

Вопросы перераспределения международной и национальной судебной компетенции не могут влечь отказ в реализации права на судебную защиту по формальным признакам. Одним из способов решения этой проблемы является предоставление физическим лицам, которые не являются участниками экономической деятельности, права на обращение в Суд Союза.

Предметный характер ограничений компетенции Суда Союза и национальных судов отражается в делах об оспаривании нормативных

правовых актов Союза. В том числе лицами, не обладающими статусом хозяйствующего субъекта.

Такая проблемная ситуация сложилась в отношении всего позитивного права Союза. Договор о ЕАЭС, другие союзные договоры, а также решения Евразийской экономической комиссии применяются государственными органами, включая суды, а проверка таких правовых актов невозможна. И причина тому формальная: отсутствие закрепления такого права в национальных и союзных нормах права.

С другой стороны, российские суды также отказывают заинтересованным лицам в рассмотрении заявлений об оспаривании нормативных правовых актов Союза. Например, технических регламентов, утвержденных Комиссией¹⁷. Обоснованиями такого подхода служат международный статус субъектов нормотворчества, который не позволяет осуществлять национальный судебный нормоконтроль, и отсутствие ретроактивного действия позиций Суда Союза.

Проблема изъятия этого сегмента дел из союзной и национальной судебных юрисдикций тесно связана с рассмотренной выше проблемой имплементации союзных ценностей в позитивное право его участников.

Если говорить именно о делах об оспаривании нормативных правовых актов Союза, то количество таких дел невелико. Поэтому при должной организационной модернизации Суда Союза можно предположить возможность разрешения им споров с участием данной категории заинтересованных лиц без ущерба для его нагрузки.

Если правовой акт применяется в отношении гражданина или организации, то они имеют рациональное право на их судебное оспарива-

¹⁶ Российский бизнес попросит президента о прямом доступе к суду ЕАЭС // URL: <https://pravo.ru/news/view/145499/> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁷ Определение Пятигорского городского суда Ставропольского края от 21.10.2021 № М-5160/2021 26RS0029-01-2021-009238-57 об отказе в принятии административного искового заявления // URL: https://piatigorskyy-stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=337616115&case_uid=6f3d294b-c544-42f1-8fab-856cd878d7c5&delo_id=41 (дата обращения: 01.11.2023); определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 15.09.2022 № 88А-8372/2022 9а-1256/2021 // URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3560496&case_uid=dd86fcc7-caed-4fe6-b332-bd7e6e0bc1b2&new=0&delo_id=43 (дата обращения: 01.11.2023).

ние. Характер правового акта в контексте его судебной проверки является вспомогательным.

Организационный инструмент решения проблемы состоит в реформе порядка рассмотрения Судом Союза жалоб, включая создание разветвленного процессуального функционала, характерного для многих наднациональных судов. Этот функционал предполагает фильтрацию жалоб и распределение в зависимости от их характера.

Другой способ решения проблемы бесхозяйности дел, в том числе дел, инициируемых физическими лицами, не являющимися хозяйствующими субъектами, — передача компетенции по разрешению таких споров национальным судам. Дополнительно это обусловлено специальными целями наднационального судебного органа, а также его ограниченной пропускной способностью.

Такой вариант решения проблемы сопряжен с двумя обстоятельствами. Первое связано с тем, что национальные суды обладают правом на так называемый абстрактный нормоконтроль в силу приоритета национальных конституций перед международным правом. В этом контексте достаточно обратиться к обновленным полномочиям Конституционного Суда РФ, который проверяет любые международные договоры до их ратификации на предмет их соответствия Конституции России.

Однако эти полномочия представляют собой превентивный нормоконтроль, то есть тот, который осуществлен до применения международного договора в условиях реальной жизни со всеми ее противоречиями. Поэтому логичным и востребованным будет сохранение подобной компетенции у национальных судов с учетом многочисленных споров, связанных с применением союзных нормативных правовых актов.

Второе обстоятельство представляет собой тот факт, что позитивное право любой международной организации не является ее собственностью в понимании его монопольного толкования органами только этой организации. Наглядным примером тому служит подход Европейского Суда по правам человека, который многократно

утверждал о необходимости конкретизации и применения конвенционных положений судами государств — участников Совета Европы.

К процессуальным формам защиты национальными судами прав, нарушенных на международном уровне, особенно в спорах касательно союзных нормативных правовых актов, относится превентивный иск. Возможность его предъявления, даже с точки зрения юридического позитивизма, закреплена в процессуальном законе России. Речь идет как о нормах, регулирующих требования к исковому заявлению, так и о правилах, устанавливающих бремя доказывания (п. 2 ч. 2 ст. 62 и п. 5 ч. 2 ст. 209 КАС РФ, а также п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ).

Использование превентивного иска по спорам, связанным с применением позитивного права Союза, обладает рядом преимуществ. Первым преимуществом является возможность преодоления запрета на оспаривание нормативных правовых актов Союза на период устранения такого запрета на законодательном уровне. О такой возможности представители доктрины высказывались несколько десятилетий назад¹⁸.

Следует с ними согласиться в той части, в которой заинтересованному лицу не требуется действовать только постфактум, а именно только после принятия государственным органом решения, основанного на потенциально неправомерном нормативном правовом акте.

Второе преимущество превентивного иска — его основанность на практике национальных и союзных публично-правовых образований, осуществляющих правоприменительную деятельность.

Элементом предмета доказывания в рамках превентивного иска является высокая степень вероятности нарушения прав истца ответчиком. Она может быть доказана предоставлением истцом анализа практики толкования нормативных правовых актов как союзными, так и национальными государственными органами. Правоприменительная практика, как правило, отражается в ведомственных актах нормативного и ненормативного характера, например в письмах ФНС РФ, ФТС РФ.

¹⁸ Мурадьян Э. М. Превентивные иски // Государство и право. 2001. № 4. С. 23–28.

Признание угрозы нарушения субъективного права как достаточного основания удовлетворения превентивных исковых требований имеет место в практике российских судов по гражданско-правовым спорам¹⁹. Превентивные требования, связанные с преодолением неправомерного нормативного правового акта, являются наиболее очевидными.

Например, превентивный иск применим в отношении споров, касающихся ввоза на территорию Союза из третьих стран личного имущества, превышающего ограничения, установленные решением Совета Комиссии²⁰. Невозможность оспаривания данного нормативного правового акта физическими лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, ни в Суде Союза, ни в национальных судах может быть преодолена рассмотрением превентивного иска.

В основание такого иска могут быть положены сведения, связанные с практикой толкования решения Совета Комиссии и общей политикой органов Союза в отношении ввоза личного имущества, в том числе бывшего в употреблении. К такой практике следует отнести решения не только судов, но и таможенных органов. Сложившаяся юридическая практика призвана обеспечивать такой важный элемент превентивного иска, как повторность нарушения субъективного права²¹.

Однако повторность не является необходимым условием подачи превентивного иска. Достаточно сослаться на смысл норм права, который был в них вложен правотворцем. Смысл того же решения Совета Комиссии 2017 г. ограничивается регулированием ввоза преимущественно нового имущества. В то же время остается неразрешенным вопрос о приобретенном за рубежом имуществе, бывшем в употреблении, а также имуществе, полученном в порядке наследования.

Оба случая являются следствием частой ситуации переезда гражданина на постоянное место жительства на территорию Союза или ввоза личного имущества без подобного переезда. Сложность заключается еще и в разном подходе таможенных органов участников Союза к решению данного вопроса.

Действующие правила ввоза имущества на территорию Союза физическими лицами, не осуществляющими предпринимательскую деятельность, направлены на предотвращение маскирования коммерческих партий товара под личные вещи. Именно в этом состоит цель беспошлинных лимитов ввоза. Всё, что превышает лимиты, облагается пошлиной заградительного характера, что делает ввоз личного имущества нерентабельным.

Признаки износа такого имущества являются лишь одними из признаков, позволяющих не применять общие лимиты. Таможенные органы призваны оценивать совокупность обстоятельств, сопровождающих ввоз таких вещей на территорию Союза. В этом и заключается пропорциональность индивидуального регулирования правоотношений, адекватная субъективному праву. В случае бездействия или ненадлежащего применения права Союза профильными административными органами, единственным способом восстановления права собственности является обращение заинтересованного лица в национальный суд.

Моделируя вариант разрешения данной категории дел, можно предположить принятие национальным судом решения обязать таможенные органы впустить подобное имущество с приведением его подробного описания в резолютивной части решения. Разрешение спора будет основываться на его индивидуальной фактуре. Отсутствие норм права, прямо предписывающих обеспечить ввоз личных вещей сверх

¹⁹ Определение Верховного Суда РФ от 03.12.2013 № 15-КГ13-4.

²⁰ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.12.2017 № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» // URL: <http://www.eaeunion.org/> (дата обращения: 10.02.2024).

²¹ Гордон В. М. Очередные вопросы в литературе гражданского процесса (Литературное обозрение) // Вестник гражданского права. 1913. № 4 (апрель). С. 133–155.

установленных лимитов, не является препятствием для принятия судом искомого решения.

Этот пример опровергает тезис о том, что само по себе участие государства в международной организации, в том числе путем передачи части национальной компетенции на международный уровень, автоматически повышает гарантии реализации прав по сравнению с тем, как они реализовывались внутри государства. В данном конкретном случае гарантии международной организации обернулись проблемами для лиц, не обладающих специальным правовым статусом.

Сомнения, связанные с возвратом национальным судам компетенции по разрешению этих споров, относятся к возможности сохранения идеологии Союза, его целей. Представляется, что угроза идеологии Союза и общим ценностям отсутствует по нескольким причинам.

Первой причиной является то, что национальные суды уже давно применяют право Союза, например разрешая таможенные споры. В частности, применяются соответствующие решения Комиссии, а также Таможенный кодекс Союза. Используя эти правовые акты в повседневной деятельности, суды не могут уклониться от как минимум косвенного контроля применимых норм международного права.

В этом смысле следует отметить, что косвенный нормоконтроль является основным по причине его прямой и непосредственной связи с каждым конкретным заявленным требованием. Разные результаты такого нормоконтроля подлежат обобщению и унификации известными процессуальными и организационными средствами. Унификация может проводиться и компетентными органами Союза, включая его Суд и другие органы. Не следует забывать о мониторинге правоприменения со стороны Комиссии, потенциал которого полностью не раскрыт.

Вторая причина состоит в том, что национальные суды изначально учитывают идеологию Союза, основываясь на смысле союзного договора, а также практике самого Суда Союза.

Этот учет может быть укреплен посредством предоставления национальным судам возможности ретроактивного использования позиций Суда Союза.

Третьей причиной выступает то, что повышение эффективности международной организации отражается в укреплении контроля за соблюдением прав, которые она культивирует. Для этого и требуются полномочия не только наднациональных судебных органов, но и судов государств — участников любых международных организаций. Авторитет международной организации повышается, если правом на обращение в ее судебные органы наделяется широкий круг лиц. В качестве наглядного примера следует в очередной раз упомянуть Совет Европы, хотя и работающий с большими издержками.

Именно такая эволюция полномочий характерна для Европейского Суда по правам человека, который изначально задумывался в качестве органа, разрешающего исключительно межгосударственные конвенционные споры²². Наделение в конце XX в. Европейского Суда правом разрешения споров по жалобам физических лиц только укрепило значение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, способствовало практической конкретизации ее идей, идеалов и ценностей.

Этот успех объясняется тем, что споры с участием обычных граждан несут в себе большой объем информации о практике реализации тех или иных прав и свобод. Они более репрезентативны по сравнению со спорами, в которых участвуют только публично-правовые образования. Представляется возможным распространить этот опыт на деятельность Суда Евразийского экономического союза.

В данном вопросе, как и в других аспектах права на судебную защиту в масштабах Евразийского экономического союза, присутствует компонент правовой идеологии, который ставит перед выбором решения проблемы с формальной или содержательной точки зрения. Традиционная конкуренция существует между

²² *Исполинов А. С. Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex russica. 2017. № 10. С. 58–87.*

естественно-правовым типом понимания прав и свобод и юридическим позитивизмом²³.

Как было отмечено выше, компетенция и Суда Союза, и национальных судебных органов зависит от степени ее позитивации, то есть формального закрепления в нормах союзного и национального права. Эта связь означает преобладание позитивистского восприятия права на международную и национальную судебную защиту. Подобный подход выдвигает тезис о том, что если такое полномочие не закреплено в какой-либо из форм права, то оно отсутствует.

Только позитивистское восприятие реализации заинтересованными лицами прав и их судебной защиты предполагает передачу всех правоприменительных проблем на откуп законодателя. В такой парадигме именно он должен удовлетворять не только стратегические, но и текущие потребности регулирования правоотношений.

Между возникновением потребности в появлении искомых мер реализации материальных и процессуальных прав участников Союза и реакцией субъектов союзного правотворчества в лице Высшего Совета, Межправительственного Совета или Комиссии, как правило, проходит длительное время. Речь идет и о частных вопросах, не урегулированных позитивным правом, но следующих из природы судебной защиты и фундаментальных прав. Например, указанный выше пробел в регулировании вопросов, касающихся субъектов обращения в Суд Союза.

Установление прямой зависимости между субъективным правом, в том числе правом на судебную защиту, и степенью его закреплённости в международных или национальных правовых регуляторах несет в себе несоизмеримые издержки в части возможности реализации заинтересованными лицами такого права. Даже в тех случаях, когда, несмотря на отсутствие его позитивации, существование такого права очевидно.

Право на судебную защиту есть фундаментальное субъективное право. Поэтому его отсутствие на международном уровне призвано преодолеваться на национальном уровне при

постановке перед судами вопросов о праве материальном. Межуровневая конкуренция, то есть конкуренция между национальным и международным правосудием, которая наблюдается в современный период между участниками Союза и самим Союзом, не является обоснованием ограничения судебной защиты.

Анализ материально-правового аспекта права на судебную защиту в масштабах Союза показал, что право собственности как еще одно фундаментальное право стало жертвой ограничения права на суд в его национальном и международном компонентах. Наблюдается ситуация, когда право есть, но процессуальные средства его защиты отсутствуют или неадекватны.

В нашем случае неадекватность состоит в недостаточной оперативности самого механизма преодоления потенциально неправомерных нормативных правовых актов Союза, несущего в себе организационные издержки.

Невозможность обращения в суд или несвоевременность судебной защиты являются индикаторами недостаточной эффективности правосудия. Эффективность заключается в наличии у заинтересованных лиц материально-правового интереса, риск утраты которого повышается с течением времени. Например, такая ситуация как раз и возможна в отношении имущества, которое заинтересованное лицо желает ввезти на территорию Союза. Перечень категорий споров не является исчерпывающим.

Отсутствие позитивации специального права влечет умаление фундаментальных прав и свобод. Незакрепленность права на обращение в Суд Союза в отношении определенной категории субъектов и по определенному предмету приводит к нарушению фундаментального права собственности.

Внесение изменений в нормативные правовые акты любой международной организации, включая Евразийский экономический союз, требует значительного количества времени. Это обусловлено прежде всего потребностью в согласовании интересов участников международной организации. Многочисленные права

²³ Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М. : Городец, 2007.

субъектов Союза, не только хозяйствующих, но и лиц, не обладающих этим статусом, не могут ставиться в зависимость от подобных тяжёлых процедур. В противном случае парализуются общегражданский и экономический обороты, а участие государства в международном объединении приносит не комплекс гарантий, а набор обременений.

Разрешение Судом Союза или национальными судами вопросов о правах и обязанностях участников многочисленных споров вне зависимости от проработанности судебной компетенции на нормативном уровне видится единственно возможным вариантом решения того комплекса проблем, который был затронут в данном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Бондарь Н. С., Джагарян А. А.* Правосудие: ориентация на Конституцию : монография. — М. : Норма : Инфра-М, 2018. — 224 с.
2. *Гордон В. М.* Очередные вопросы в литературе гражданского процесса (Литературное обозрение) // Вестник гражданского права. — 1913. — № 4 (апрель). — С. 133–155.
3. *Егоров А. В.* Изменение закона как форма его аутентичного толкования // Закон. — 2022. — № 5. — С. 14–36.
4. *Исполинов А. С.* Эволюция и пути развития современного международного правосудия // Lex russica. — 2017. — № 10. — С. 58–87.
5. *Мурадьян Э. М.* Превентивные иски // Государство и право. — 2001. — № 4. — С. 23–28.
6. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. — М., 1999. — 552 с.
7. *Нешатаева Т. Н.* Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. — М. : Городец, 2007. — 319 с.
8. *Никитин С. В.* Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. — 2014. — № 1. — С. 88–101.
9. *Никитин С. В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе : монография. — М. : РАП : Волтерс Клувер, 2010. — 304 с.
10. Проблемы развития процессуального права России : кол. монография / А. В. Белякова, Л. А. Воскобитова, А. В. Габов [и др.] ; под ред. В. М. Жуйкова. — М. : Норма : Инфра-М, 2016. — 224 с.
11. *Решетникова И. В.* Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 2. — С. 32–52.
12. *Соколова Н. А.* Укрепление региональной интеграции: судебное влияние // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 10. — С. 181–189.
13. *Фурсов Д. А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). — М., 1999. — 453 с.

Материал поступил в редакцию 10 апреля 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bondar N. S., Dzhagaryan A. A. Pravosudie: orientatsiya na Konstitutsiyu: monografiya. — M.: Norma: Infra-M, 2018. — 224 s.
2. Gordon V. M. Ocherednye voprosy v literature grazhdanskogo protsesssa (Literaturnoe obozrenie) // Vestnik grazhdanskogo prava. — 1913. — № 4 (aprel). — S. 133–155.
3. Egorov A. V. Izmenenie zakona kak forma ego autentichnogo tolkovaniya // Zakon. — 2022. — № 5. — S. 14–36.

4. Ispolinov A. S. Evolyutsiya i puti razvitiya sovremennogo mezhdunarodnogo pravosudiya // Lex russica. — 2017. — № 10. — S. 58–87.
5. Muradyan E. M. Preventivnye iski // Gosudarstvo i pravo. — 2001. — № 4. — S. 23–28.
6. Nersesyants V. S. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. — M., 1999. — 552 s.
7. Neshataeva T. N. Uroki sudebnoy praktiki o pravakh cheloveka: evropeyskiy i rossiyskiy opyt. — M.: Gorodets, 2007. — 319 s.
8. Nikitin S. V. Kosvennyy sudebnyy normokontrol: ponyatie i problemy realizatsii // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2014. — № 1. — S. 88–101.
9. Nikitin S. V. Sudebnyy kontrol za normativnymi pravovymi aktami v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse: monografiya. — M.: RAP: Volters Kluver, 2010. — 304 s.
10. Problemy razvitiya protsessualnogo prava Rossii: kol. monografiya / A. V. Belyakova, L. A. Voskobitova, A. V. Gabov [i dr.]; pod red. V. M. Zhuykova. — M.: Norma: Infra-M, 2016. — 224 s.
11. Reshetnikova I. V. Sovremennoe protsessualnoe pravo: unifikatsiya ili differentsiatsiya? // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2020. — № 2. — S. 32–52.
12. Sokolova N. A. Ukreplenie regionalnoy integratsii: sudebnoe vliyanie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2016. — № 10. — S. 181–189.
13. Fursov D. A. Predmet, sistema i osnovnye printsipy arbitrazhnogo protsessualnogo prava (problemy teorii i praktiki). — M., 1999. — 453 s.